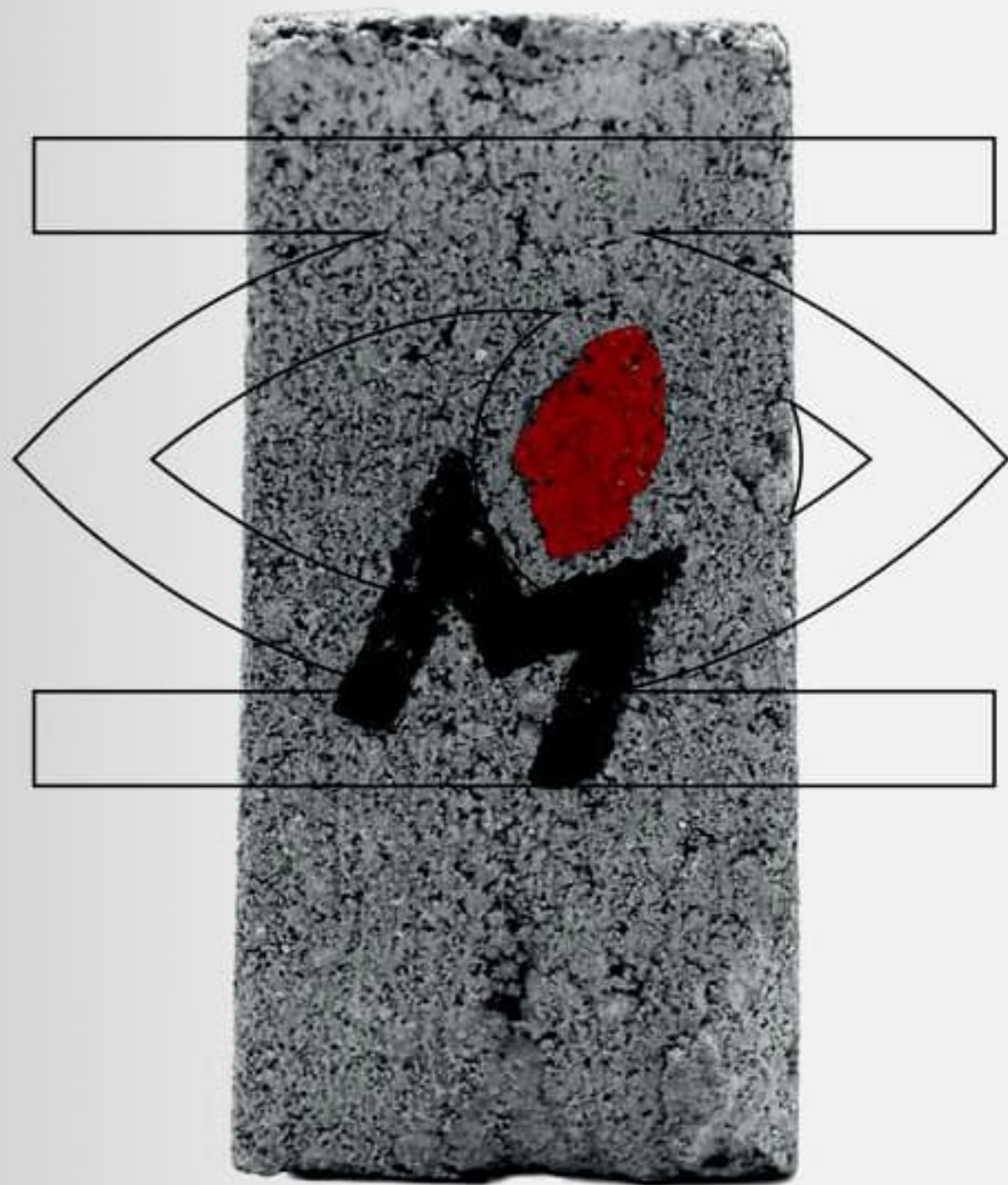

борис беленкин
«мемориал». отнятый дом

Борис Беленкин

«Мемориал» Отнятый дом

Vidim Books
Bratislava
2024

«Мемориал» — это содружество общественных организаций, занимающихся правами человека и историей жертв советских репрессий. В тот момент, когда Нобелевский комитет наградил «Мемориал» Премией мира, Борис Беленкин находился в Москве в здании суда и выступал ответчиком по иску Прокуратуры, наложившей арест на помещение общества.

Эта книга — не история «Мемориала», а история человека, Бориса Беленкина, многолетнего сотрудника «Мемориала» и его бессменного библиотекаря. На страницах издания — история его яркой судьбы, которая, полная смешного и грустного, привела Бориса в «Мемориал», да так и не отпустила.

Vidim Books — независимое издательство и платформа для дистрибуции книг на русском языке в Европе, Центральной Азии и Северной Америке. Основано в 2023 году.
www.vidimbooks.com

Во имя добра и мира!

Борис Беленкин. «Мемориал». Отнятый дом. Vidim Books.
Братислава. 2024.

Издатели

Александр Гаврилов

Данила Стратович

[имя скрыто во избежание незаконного преследования]

Редакторы

[имя скрыто во избежание незаконного преследования]

Выпускающий редактор

[имя скрыто во избежание незаконного преследования]

Корректор

[имя скрыто во избежание незаконного преследования]

Дизайнер

[имя скрыто во избежание незаконного преследования]

Верстальщик

[имя скрыто во избежание незаконного преследования]

Менеджер проекта

Дарья Подольская

Фото на обложке

Надя Андрееenko

Boris Belenkin
Memorial. Odňatý dom

Vydalo Vidim Books (BookLab s.r.o.)
Pekná cesta 19, 831 52 Bratislava — Rača, Slovensko
www.vidimbooks.com

Autor: Boris Belenkin
Grafický návrh, návrh obálky, grafická úprava, a sadzba: Book-Lab s.r.o.
Vydanie v ruštine
Vytlačené v EÚ

ISBN 978-80-690960-1-1

© Mondadori Libri S.p.A., originally published by Rizzoli, Milano, Italy, 2024

© Борис Беленкин, текст / Boris Belenkin, text, 2024

© BookLab s.r.o., 2024

Все права защищены
Všetky práva vyhradené
All rights reserved

Книга напечатана по согласованию с литературным агентством ELKOST Int., Испания

Содержание

Предисловие	9
7 октября: суд и Нобель	12
Часть первая	
Как и почему я попал в «Мемориал»	26
1. «Мемориал». Что это	26
2. Не очень советское воспитание	37
3. Моя трудовая книжка	49
4. Все течет.....	83
5. «В Москве не будет Олимпийских игр»	101
6. В поисках Шляпникова	112
7. Перемена участи.....	131
8. 1989: Начало всего	144
9. Дни переворотов.....	152
Часть вторая	
Люди и дела «Мемориала»	172
10. Наш дом.....	172

11. Право на память. Арсений Рогинский	177
12. Возвращение имен. Лена Жемкова	189
13. Списки жертв. Ян Рачинский.....	205
14. Списки палачей. Никита Петров	215
15. Десятиклассница на Лубянке. Сусанна Печуро....	224
16. История инакомыслия. Александр Даниэль.....	233
17. Школьный Конкурс «Человек в истории». Ирина Щербакова.....	241
18. Архив. Музей.....	254
19. Комната № 1. Саша Поливанова и не только.....	269
20. Правозащитный центр и его обитатели	277
21. Польша. Катынь. Александр Гурьянов	293

Часть третья

Библиотека «Мемориала»	315
22. Библиотека. Стеллажи, чай и юные итальянки....	315
23. Pulr Junk конца советской эпохи.....	326
24. Приключения в Оксфорде	339
25. Путешествие из Москвы в Петербург.....	349
26. Первые аресты	363

27. Скрипка Бромберга	368
28. Друзья и гости библиотеки	376
29. Феликс Светов	391
30. Владимир Шаров	402
31. Вечера и ночи	409
32. Путешествия из Москвы в Италию	421
Часть четвертая	
Ликвидация «Мемориала»	432
33. Мы — «иностранные агенты»	432
34. Нападение	442
35. Ликвидация	454
36. Включенный таймер	470
37. Война	475
38. 10 декабря. Вручение премии	485
Post scriptum	496
Благодарности.....	501

Предисловие

Несколько лет назад мы вместе с политологом Николаем Петровым решили провести необычный книжный вечер: позвать известных историков, политологов, социологов, культурологов и предложить им представить гостям вечера книги, которые они не написали. Не написали по разным причинам: хотели, обдумывали, начинали, но что-то помешало. Согласились пять или шесть «авторов». Мы подготовили фальшмакеты книг — наклеили на коробки красочные распечатки названий несуществующих в реальности произведений. Затем каждый «автор» в течение 10–15 минут рассказывал/представлял свое детище и отвечал на вопросы из зала... Было безумно интересно, весело и немного печально.

Я, как инициатор, подумал: а что, если бы меня пригласили участвовать в таком вечере, о каком своем невоплощенном замысле я мог бы рассказать? И — сомнений не было — я рассказал бы о колоссальном по объему и глубине исследования

труде — «История общества "Мемориал"»... Несмотря на то, что последние 34 года я остаюсь активным членом и сотрудником Общества, «Мемориал» стал моим домом, а коллектив, в котором я работал (и жил!), стал второй семьей, — такую книгу я написать никогда не смогу.

Но и никто другой такую книгу пока не написал. А она необходима именно сейчас, когда сложилась парадоксальная ситуация: организация, предназначенная для сохранения памяти о репрессиях и их жертвах, теперь сама стала объектом репрессий. В сталинско-брежневском СССР власти делали все для того, чтобы историческая память была стерта. Власти России решили преследовать тех, кто этому сопротивляется. Получается, что теперь нужно говорить и о сохранении памяти о тех, кто свою жизнь посвятил сохранению памяти о других. Книга, которую вы держите в руках, и есть попытка такой работы.

Может быть, это не очень скромно, но рассказы будут о «Мемориале» в моей жизни, обо мне в жизни

«Мемориала» и о том, что было «связано с "Мемориалом"». Такое повествование избавит меня от необходимости следовать хронологии событий, следить за тем, чтобы не пропустить ничего из истории «Мемориала». Все написанное станет попыткой объяснить, как и почему историко-просветительская и правозащитная организация смогла столько лет существовать и столько сделать в невероятно сложных условиях. От перестройки Горбачева до путинского кровавого финала: войны, развязанной против Украины. И здесь же — попытка еще раз прожить и рассмотреть подробности своей жизни в прошедшую историческую эпоху.

И вот тут я должен сознаться в своей главной жизненной ошибке, в своей неосуществленной мечте: я не вел и не веду дневник. Каждый раз, когда случается в моей жизни или в жизни страны или мира какое-то очень важное событие, я начинаю сокрушаться и посыпать голову пеплом: почему не вел и не веду дневник, и обязательно восклицаю: «Ах, надо было бы вести дневник, ах, если бы я вел дневник!» Но ни разу это не привело к тому, чтобы я что-

то стал записывать... Итак, дневник я не вел и не веду, а справляться, корректировать свои воспоминания по каким-то хроникам мне кажется не совсем честным... Поэтому буду опираться на свою память и на свои ощущения, на послекусие от того, что было...

Боюсь, не всем понравится, что в повествовании об очень серьезном так много анекдотов, анекдотов в старинном значении — коротких рассказов об интересных случаях, коротких занимательных и даже забавных историй. Но это я забегаю вперед. Здесь позволю себе лишь одно, последнее замечание: я бы никогда не сел за написание этой книги, если бы не 7 октября 2022 года. С него и начнем.

7 октября: суд и Нобель

7 октября 2022 года мы с моим коллегой и другом Михаилом Шейнкером загрузили в его машину коробки с книгами и документами для судебного заседания и отправились в Тверской суд города Москвы. За несколько недель до того «Мемориал»

получил судебное «представление» Генеральной прокуратуры РФ о незаконности сделки по передаче недвижимости и денежных средств от одной организации (Международный Мемориал) другой (Научно-просветительский и правозащитный центр «Мемориал»). Так Международный Мемориал после фактической ликвидации пытался продолжить работу без юридического лица и сохранить офис и обширную библиотеку, в который были собраны архивы по истории репрессий и инакомыслия в СССР.

Я, Борис Беленкин, — исполнительный директор Научно-информационного и просветительского центра — был ответчиком. Готовясь принять участие в судебном заседании, я понимал, что иду туда, где под видом разбирательства будет вершиться обычный фарс, продолжающий или даже завершающий действия путинской власти по уничтожению «Мемориала». Началась эта история в 2012 году, когда после серии уличных протестов власти запустили охоту на все формы существования гражданского общества. Тогда же и мы почувствовали давление.

С каждым годом оно усиливалось и превратилось в череду судебных преследований.

Ровно в 11:30 машина отъехала от офиса «Мемориала». В 11:45 мы встали в пробке. В 11:50 мне позвонила моя подруга, журналистка и правозащитница Зоя Светова, и сказала: «Боря, я тебя поздравляю».

Мне это не очень понравилось.

Накануне, 6 октября, был мой день рождения. Я всегда его праздную. В этот раз праздничного настроения по понятным причинам (в первую очередь — война, да и суд на следующий день) ни у меня, ни у друзей не было. Тем не менее мы собрались. Время провели не так шумно и весело, как раньше. Расставаясь, договорились, что все, кто может, придут на следующий день в суд — друзья хотели таким образом поддержать и меня, и «Мемориал».

Зоино «поздравляю» я квалифицировал как запоздалое поздравление с днем рождения. И про себя возмутился: как это так, МЕНЯ! — и забыть во-

время поздравить... Поэтому в ответ я недовольным голосом стал спрашивать: «А почему поздравляешь сегодня?»

Мой вопрос Зою Светову явно удивил. Она, кажется, даже растерялась и, как бы оправдываясь, сказала, что журналисты сообщили только что. Тут уже растерялся я — какие журналисты и при чем тут мой день рождения. Не зная, что еще сказать, спросил: «А ты где?»

На этот идиотский вопрос Зоя честно ответила, что в Париже, и, понимая мою растерянность, добавила:

— Я тебя поздравляю, «Мемориалу» дали Нобелевскую премию мира.

Что ответил — не помню. В пробке стояли еще долго, а я все никак не мог прийти в себя. Сказанное Зоей было одновременно неожиданно, невероятно, неуместно, необъяснимо... Прийти в себя помогло то, что одновременно со звонком Зои мне кто-то позвонил моему коллеге Михаилу и я услышал почти то же самое: «С чем поздравляешь?.. Не понял... Когда?.. Откуда ты знаешь?..»

И еще что-то в том же роде.

Дальше по дороге до самого суда все, на что мы были способны, — это обмениваться междометиями, по смыслу сводившимися к «ну вообще!».

А у суда нас уже ждали корреспонденты нескольких зарубежных СМИ с «нобелевскими» вопросами. Наскоро ответив что-то невразумительное, мы, нагруженные коробками с доказательствами невинности, вошли в здание суда.

В суде в следующие полтора часа творилось что-то невообразимое. В коридоре, где участники судебных процессов ожидают начала заседания, довольно быстро собралось человек тридцать. Половина — гости, накануне бывшие на моем дне рождения. Кто-то пришел уже весь сияющий от нобелевской новости. Кто-то узнавал новость здесь же, в коридоре суда, и не мог поверить. Никто, ни один человек ни о какой Нобелевской премии в этом году не думал. В предыдущие годы «Мемориал» несколько раз выдвигали в номинанты премии, один раз мы, кажется, были в шорт-листе. Но теперь, когда суд

ликвидировал Международный Мемориал и Правозащитный центр «Мемориал», — какая тут премия?! Да еще и российской организации, когда в прошлом, 2021 году премию, вместе с филиппинской коллегой, получил российский журналист Дмитрий Муратов. Да еще и на фоне войны, развязанной Россией, да еще вместе с украинской правозащитной организацией «Центр гражданских свобод» и белорусским активистом политзэком Алесем Беляцким.

А в судебном коридоре тем временем шла своя жизнь. Судебное заседание, которое должно было начаться в 12:50, задержалось на 40 минут. Пришедшая толпа мемориальцев то и дело устраивала фотосессии. Собравшиеся поддержать нас были от происходящего в полном недоумении: сейчас суд будет рассматривать вопрос об отбирании у «Мемориала» помещения (а там и архив, и музей, и библиотека, там вся наша мемориальская жизнь!), а тут с трудом скрываемая радость от решения Нобелевского комитета. Конечно, мы понимали, что российский суд все решит не в нашу пользу (мы еще не знали, насколько быстро!), и, может быть, именно

поэтому для нас так важен был этот перелом настроения: вместо запрограммированного уныния от неминуемого поражения радость нобелевской победы. А присуждение высшей в мире награды — это ведь победа!

*Борис Беленкин, Ян Рачинский, Елена Жемкова
на одном из судебных заседаний*

Наконец нас впустили в помещение, где должно было проходить судебное заседание. Для публики

— всего 20 мест. Половина пришедших осталась в коридоре...

Что было потом? — пятичасовая судебная клоунада путинской эпохи.

В прокурорском представлении организация, исполнителем которой я работал последние 15 лет, была названа «номинальной», то есть фейковой, не ведущей никакой реальной деятельности. В своем выступлении я рассказал о сотне научных и просветительских изданий, выпущенных под грифом НИПЦ «Мемориал», и передал судье для ознакомления комплект ксерокопий выходных данных всех этих изданий и экземпляры изданий последних нескольких лет — фундаментальных исследований по истории политических репрессий в СССР... Казалось бы, от обвинения в «номинальности» ничего не осталось. Но все это было бесполезно.

О, если бы читатель мог присутствовать на этом заседании!

Профессионализм трех представлявших «Мемориал» адвокатов был особенно очевиден на фоне

выступления представителей Генеральной прокуратуры. Один из них невразумительно мямлил свои аргументы и, как школьник, плохо выучивший сложный для его понимания урок, несколько раз сбившись, обращался к судье: «Можно я начну сначала?»...

Думаю, наибольшее впечатление на присутствовавших произвел сам судья. На его физиономии, в его интонации, в манере говорить и держаться ясно читалось: ну что вы мне здесь морочите голову и отнимаете время, уже все решено, разве вы этого не понимаете?.. Судья почти все время сидел, подперев руками свои пухлые щеки, так что от глаз остались узкие щелочки. Он почти ни на что не реагировал. В конце заседания наступил момент, когда судья должен, еще раз просмотрев в присутствии сторон материалы дела, удалиться для вынесения решения. Тут он неожиданно проснулся, со скоростью персонажа мультфильма пролистал сотни, если не тысячи страниц материалов дела и торжественно удалился для подготовки решения...

Честно говоря, мы надеялись, что такое большое дело, с обилием ходатайств, предоставленных суду материалов, возражений и т. п., не может быть рассмотрено в одном судебном заседании. Во всяком случае, наши адвокатессы предполагали, что суд будет отложен и решение в этот день принято не будет. Но и эти надежды не оправдались.

Все завершилось, когда в суде уже закончился рабочий день. Судья вынес решение о том, что сделка по передаче помещения, находящегося в частной собственности, от одной организации (ликвидированный решением суда РФ Международный Мемориал) другой организации — ничтожна, то есть недействительна, и помещение, как и переданные денежные средства, подлежит изъятию в пользу государства. Мы ясно понимали, что следующим шагом прокуратуры будет уже не гражданское исковое представление на предмет сделки, а уголовное дело против тех, кто эту якобы незаконную сделку совершил.

Мы вышли из зала заседания около 18:40. Корреспонденты. Интервью в коридоре, затем в лифте,

затем на улице перед входом в здание суда. На улице нас ждала феерическая картина: десятки журналистов, десятки встречающих, кто-то с цветами. Все к нам бросаются, поздравляют и с Нобелевской премией, и с тем, что каково бы ни было решение суда, а победа все равно наша!.. Мне достается букет ярко-желтых цветов от совсем молодой незнакомой мне девушки, как оказалось — школьницы, которую моя 15-летняя внучка, отсутствующая в Москве, просила вручить букет дедушке... Наши адвокатессы отвечают журналистам... У пришедших поддержать нас — эйфория от известия о премии и одновременно понимание, какие дурные последствия для «Мемориала» имеет решение суда... Мы с женой и двумя подругами, усталые, садимся в такси и едем домой. Настроение совершенно подавленное.

За несколько дней до судебного заседания мы приняли решение: если суд не будет отложен, если решение будет принято в тот же день, то мы уедем из страны. Перспектива уголовного преследования более чем реальна. Дела в Москве в «Мемориале» я

почти закончил, никаких перспектив вести привычную мемориальскую работу в России у меня нет. Библиотека без здания работать не может, проведение выставок, семинаров, кинопоказов, дискуссий и т. п. невозможно. И это при том, что «мой» НИПЦ «Мемориал», в отличие от Международного Мемориала, не ликвидирован, не является иностранным агентом. Но теперь уже от моего присутствия в России ничего не зависит...

Ехать от суда до дома недалеко. В половине восьмого мы дома. В восемь вечера подъезжает к дому мой мемориальский коллега, предложивший отвезти меня на своей машине в Белоруссию. С женой договорились, что она вылетит из Москвы через два дня и присоединится ко мне.

И вот мы едем. В ночь. Остановка в Витебске. Там мы ночуем в гостинице. Оттуда я на такси добирюсь до белорусско-литовской границы, а мой коллега едет обратно в Москву.

Почему так сложно? Кроме минимальных затрат на переезд, такой переход границы казался мне то-

гда наиболее беспрепятственным, что ли, безопасным. Не только у меня были сомнения — выпустят или не выпустят из страны... Поэтому моя цель — Видзы, единственный пограничный пункт, где возможен пеший переход.

В два часа дня я на пограничном пункте. Общение с белорусским пограничником занимает несколько минут. Иду пешком метров триста до литовского погранпункта. Там чуть подальше. Но вот я в Литве, где меня уже ждет с машиной одноклассник и друг моей дочери.

А на следующий день я уже оказался в аэропорту в Праге.

То, что конечным пунктом моего путешествия станет лучший город в мире, оказалось возможным благодаря стечению обстоятельств. За несколько дней до моего отъезда коллеги из чешского «Мемориала» (о том, как «Мемориал» стал международным, еще расскажу) сообщили нам в Москву, что у них появилась возможность приютить в Праге кого-то из мемориальцев, вынужденных покинуть Россию...

Пришел я в «Мемориал», когда мне исполнилось 35 лет. «Земную жизнь пройдя до половины...»

Закончилось мое 34-летнее пребывание в «Мемориале», том, который в России. Пора подводить итоги и собираться с мыслями. Не о будущем — о будущем что гадать? Да это и не так интересно и важно. А вот о прошлом гадать можно и нужно... Но при чем тут гадание? При том, что в прошлом много развилок, жизненных поворотов, которые порой зависят от совершенно случайных вещей. Это касается встречи с любимой женщиной, попадания в автомобильную аварию, крупного выигрыша в лотерею или обнаружения под ближайшим кустом во время завязывания шнурка на ботинке свертка с пачкой крупных купюр.

Часть первая

Как и почему я попал в «Мемориал»

1. «Мемориал». Что это

«Мемориал» — это память о прошлом, обращенная в будущее.

«Мемориал» — это сочетание разных проектов, которые, как ручейки, сливаются в одно широкое русло.

«Мемориал» — это права человека, это наблюдение за их соблюдением и нарушениями. Права человека нарушались в России всегда, но в особенности в XX и XXI веках. А значит, «Мемориал» — это и история нарушений прав человека. Все сегодняшние нарушения имеют свои корни в прошлом.

«Мемориал» — это пространство, которое имеет свою историю и свое назначение, оно открыто для всех, это — открытый Дом, в котором «Мемориал» реализует свое предназначение. Большая часть того, о чем буду рассказывать, — именно об этом.

Но вначале необходим небольшой экскурс в историю. СССР просуществовал 74 года. 70 лет из них основным средством удержания власти были репрессии: то «точечные», то массовые, они никогда не прекращались.

Советское общество пережило в первой половине XX века гуманитарную катастрофу: гражданская война и массовая эмиграция, Великая Отечественная война с огромными потерями, миллионы жертв массового государственного террора, затронувшего буквально все слои населения, раскулачивание, лагеря ГУЛАГа, депортации многих народов. Только в годы Большого террора, в 1937–1938-м, были расстреляны около 700 тысяч человек, около миллиона человек были арестованы и осуждены на разные сроки. За несколько лет, в конце 1940-х — начале 1950-х годов, репрессировано около миллиона человек...

Тема репрессий в стране тотальной цензуры была под запретом. Только после смерти Сталина, во второй половине 1950-х годов и до середины 1960-х, стало можно об этом писать и говорить, но в

очень ограниченном объеме. Потом, до второй половины 1980-х годов, тема снова стала табуированной.

Особенность и одновременно абсурдность исторической ситуации в СССР заключалась в том, что миллионы людей были носителями информации о репрессиях — свидетелями, жертвами, соучастниками, наконец, виновниками, а то и всеми перечисленными в одном лице. При этом то, что они пережили, почти не обсуждалось ни ими самими, ни тогдашним обществом. Только после прихода к власти в 1985 году Горбачева, да и то не сразу, тема политических репрессий постепенно становилась разрешенной для публичного обсуждения. И вот на фоне этой ограниченной разрешенности, этой еще полуцензуры, возникла общественная инициатива, ставшая вскоре «Мемориалом».

Во второй половине 1987 года группа энтузиастов выступила с инициативой создания мемориала жертвам политических репрессий в СССР, намереваясь подтолкнуть власть к более радикальному

раскрытию исторической правды, к открытию недоступных для исследователей архивов и рассекречиванию документов по истории репрессий. В этот мемориал, точнее, мемориальный комплекс, по мысли участников той группы, должны были войти памятник жертвам репрессий, а также архив, музей и библиотека, содержащие материалы для изучения истории политических репрессий в СССР. Эта инициатива получила широкую поддержку среди населения. И довольно быстро из группы энтузиастов выросла массовая общественная организация — «Мемориал».

Уже к концу 1988 года отделения «Мемориала» возникли в очень многих городах на территории СССР, и не только в Российской Федерации, но и в Украине, Прибалтике, Грузии... Можно с уверенностью говорить, что по состоянию на 1989 год «Мемориал» стал самой массовой общественной организацией в СССР.

И тогдашняя, и последующая история «Мемориала» неразрывно связана с историей страны. Именно поэтому, чтобы рассказать историю этой

общественной организации, надо все время напоминать об историческом фоне, контексте. Укажу только главные вехи.

Сразу же после смерти Сахарова состоялась встреча Елены Боннэр с Михаилом Горбачевым. Он высказал вдове академика приличествующие в таких случаях слова соболезнования и спросил, чем может быть полезен, нужна ли ей какая-то помощь. Елена Боннэр сказала, что да, помощь нужна, а именно — разрешить регистрацию общества «Мемориал». Горбачев пообещал помочь с этим, и свое обещание, правда, через год, но исполнил. «Мемориал» наконец получил официальный статус.

В самом конце 1990 года, благодаря стараниям активистки «Мемориала» Нади Богатиковой (в тот период она была депутатом Совета народных депутатов Свердловского района Москвы) и членов Общественного совета «Мемориала» поэта Евгения Евтушенко и писателя Алеся Адамовича (тогда — делегаты Съезда народных депутатов СССР), «Мемориал» получил свое помещение — 400 квадратных

метров в центре Москвы. Туда въехали архив, музей, была организована библиотека, туда же переехала приемная для встреч с жертвами репрессий и их родственниками, выполнявшая сразу много функций — от обмена информацией до пополнения музейной коллекции и архива. Началась новая жизнь. Так же, как и у страны СССР.

В начале 1990-х годов стали открываться архивы, продолжились начатые в годы перестройки публикации по «белым пятнам» истории СССР, но широкого общественного резонанса эти публикации уже не вызывали. Происходило нечто обратное. Набирала силу ностальгия по советскому прошлому. Разочарование в демократических преобразованиях, экономические трудности, которые в 90-е переживала едва ли не каждая семья, питали эту ностальгию, окрашивали в розовые тона советскую жизнь 60-х — 80-х годов. Советская действительность брежневского периода, с ее серыми буднями, с бесконечным стоянием в очередях, с дефицитом буквально всех товаров и т. д., стала казаться спокойным, радостным и благополучным временем.

Развернувшаяся в конце 80-х — начале 90-х активная историческая и общественная работа по преодолению прошлого постепенно свернулась. Самой большой травмой для современников представлялся теперь распад СССР.

Все это происходило на фоне того, что не была выстроена сколько-нибудь последовательная политика в отношении прошлого — никакая правовая оценка советской системе не была дана.

При Путине с самого начала 2000-х началось наступление на гражданское общество. Стали жестко ограничиваться основные политические и гражданские свободы: свобода слова, свобода собраний, свобода политической деятельности... Постоянное напоминание «Мемориала» о массовых репрессиях шло вразрез с общим трендом «нормализации» советского прошлого. Население же в своей массе либо поддерживало путинскую власть, либо совершенно равнодушно относилось к «политике».

То, что время относительной свободы для независимых гражданских организаций прошло, стало

заметно довольно быстро. Главной ценностью для общества теперь с помощью публичной пропаганды объявлялась сильная авторитарная власть, вновь возник самый яркий символ этой власти — Сталин, который превращался в массовом сознании из организатора репрессий в творца великой Победы.

«Мемориалу» неоднократно приходилось выступать с заявлениями о том, какая угроза таится в такой исторической политике, и предлагать программы по десталинизации, призывать к историческому диалогу, а не к войнам памяти. Но самое главное — «Мемориал» постоянно предупреждал о глубоких и необратимых последствиях для общества неизжитой травмы массовых репрессий...

Так что же такое этот «Мемориал»? Что это за организация такая, что в ней особенного, что отличает ее от других общественных организаций? Начну с неожиданной констатации.

«Мемориал», для внешнего наблюдателя, — это хаос.

«Мемориал» с самого начала создавался как сеть организаций. Сперва был «Всесоюзный Мемориал». В Москве для проведения историко-исследовательской работы в 1990 году был создан Научно-информационный и просветительский центр «Мемориал» (сокращенно НИПЦ «Мемориал»). Тогда же был образован «Российский Мемориал», а вскоре после распада СССР появился и «Международный Мемориал» (вместо «Всесоюзного»), в состав которого вошли «Украинский», «Казахский» («Адилет»), «Рижский»... И НИПЦ вошел в состав «Международного». А в «Российский» вошел и «Московский Мемориал». Параллельно в 1992 году был официально зарегистрирован Правозащитный центр (ПЦ) «Мемориал», в котором сосредоточилась современная правозащитная работа. Таким образом, в Москве «под одной крышей» вместе сосуществовали четыре (!) мемориальские организации. Необходимость в такой «многоэтажности» была связана с историей постепенного возникновения и регистрацией той или иной мемориальной организации. И у каждой из них были свои специфические функции.

До первой чеченской войны в российской прессе (я имею в виду в первую очередь центральную, московскую прессу 1991–1994 годов) про общество «Мемориал» писали очень мало. Журналистов уже не интересовала история сталинских репрессий, «мода» на которую прошла вместе с эпохой Горбачева. Еще хуже обстояло дело с темой прав человека. Журналисты ничего про нее не знали, не понимали и все путали. В отличие от журналистов зарубежных, проявлявших и бóльшую осведомленность, и большее понимание, тщательно готовивших свои репортажи по правозащитным историческим проблемам России в целом и про работу «Мемориала» в частности. Российские журналисты начинали спотыкаться уже с названия нашей организации. Их, безусловно, смущало присутствие в ее деятельности и историко-просветительской работы, и правозащитной. Почти во всех выходивших репортажах о нашей исторической работе они называли и продолжают называть «Мемориал» даже сегодня правозащитной организацией, полагая, наверное, что для читателя такое длинное название, как Историко-

просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», ну никак не годится: якобы слишком длинно и сложно. Сокращение до одного слова — «правозащитное» — кажется отечественным журналистам абсолютно уместным. Что, естественно, не раз приводило к недоразумениям... Основной же причиной сокращения названия до слов «правозащитная организация» являлась на самом деле совершенно героическая работа сотрудников и волонтеров Правозащитного центра «Мемориал» в годы чеченских войн. О чем я еще скажу. Здесь же хочу отметить, что первая чеченская война вернула интерес части российского общества к работе «Мемориала» в целом.

Выше я писал про «неинтересное» — структуру организации — только потому, что очень часто возникали и возникают связанные с этим недоуменные вопросы. По смыслу все мною вышеперечисленное можно назвать одним словом — «Мемориал».

2. Не очень советское воспитание

У каждого, кто пришел в «Мемориал», свой путь. Но, наверное, каждый мемориалец моего поколения успел в предыдущие годы пройти то, что я бы назвал «антисоветской инициацией». У меня эта «инициация» была несколько своеобразной.

Моя бабушка, Марга Бютов, с которой я жил и которая меня растила, была немкой. Родилась она в Мекленбурге в городе Гюстров в 1892 году. В 1919 году она, перебравшаяся к тому времени в Берлин, встретила еврея из России Бориса Фаермана, недавно освобожденного из лагеря для интернированных подданных стран, воюющих с Германией. Знакомство переросло в дружбу, а дружба... В 1921 году они обручились, на следующий год поженились, а в 1923 — м родилась моя мама. В 1930 году моего деда, работавшего клерком в советском торгпредстве в Берлине, отозвали в Москву...

*Москва, Панкратьевский переулок, 1959 год.
Борис Беленкин в возрасте шести лет
в самый драматичный период холодной войны*

Бабушка, приехавшая в СССР с мужем, так и не научилась хорошо говорить по-русски. Домашним языком в нашей семье был немецкий. Бабушка говорила по-немецки, а мы с сестрой и мама отвечали

ей иногда по-немецки, но чаще по-русски... То есть изначально была заложена какая-то инакость. И еще. Сначала я наивно полагал, что смогу поступить в МГИМО, где моя мама преподавала английский язык, и буду дипломатом. Но это наивное намерение довольно быстро испарилось. Дело было не только и не столько в том, что я плохо учился и, начиная с восьмого класса, еле-еле переходил в следующий, находясь под постоянной угрозой отчисления из школы за неуспеваемость. Где-то в девятом классе мама со всей определенностью сказала, что даже если я смогу хорошо подготовиться и сдать вступительные экзамены, меня все равно не примут в ее институт из-за моей национальности, записанной в паспорте, — еврей. При записи национальности в паспорт получающий его мог выбрать национальность отца или матери (если они были разными). В моем случае и отец, и мать в своих документах были записаны как евреи. Отец был чистокровным евреем. Мама в свое время, когда получала паспорт, могла выбирать — записать себя немкой или еврейкой. Дело было накануне войны 1941 года, и она

«иностранной» национальности предпочла тогда еще не предполагавшую жизненных трудностей запись в паспорте — «еврейка». В годы войны это, может быть, спасло ее от высылки как немки из Москвы и уж точно дало возможность поступить в институт. После войны это, наоборот, на 8 лет сделало ее по сути безработной (с 1950 по 1958 год ее никуда не брали на постоянную работу, только на временную и так называемую «почасовую»).

Итак, МГИМО из моих жизненных планов отпал. Тогда я твердо решил стать историком. Решение это не было спонтанным. С того момента, как я стал читать, больше всего меня привлекали книги на исторические темы. Это были приключенческие романы Александра Дюма, такие как «Королева Марго», «Сорок пять»... Но не только. Интересовали меня и историческая беллетристика, посвященная разным странам и эпохам, и научно-популярная литература по истории. Не меньший интерес вызывали рассказы отца, сотрудника Музея революции СССР. С отрочества я слышал от него, когда он приходил к нам в гости (отец ушел из семьи, когда мне было 7

лет), многочисленные байки про жизнь музея и про сюжеты, отраженные в его залах. В середине и второй половине 60-х годов в Музее революции то и дело устраивались вечера с участием старых большевиков, некоторые из них отсидели в сталинских лагерях, вернулись, были восстановлены в партии, и им была предоставлена трибуна для воспоминаний. Отец заходил иногда после таких вечеров и темпераментно рассказывал, как очередной бывший сиделец лагерей клеймил Сталина, доказывал, что тот был агентом царской охраны и т. п.

Запомнилась история про одного известного большевика, после революции занимавшего крупные государственные должности, и некоего менее значительного партийного функционера, которые вдвоем отправились на прием к Сталину. Пришли, а секретарь не пускает, говорит, что у товарища Сталина важный разговор с Серго Орджоникидзе, в то время народным комиссаром тяжелой промышленности.

Сидят, ждут. Знают, что Орджоникидзе друг Сталина и им есть о чем поговорить. Но Орджоникидзе

все не выходит, а из кабинета Сталина слышится громкая ругань, разобрать ничего нельзя, ругаются по-грузински. Наконец в кабинете вождя наступает полнейшая тишина. Ожидающие аудиенции ничего не понимают. Секретарь тоже. В какой-то момент нервы у секретаря не выдерживают, он приоткрывает дверь в кабинет и врывается внутрь, за ним и ожидающие приема. И они видят: Орджоникидзе навалился на Сталина и душит его. Вождь хрипит и уже посинел. Вбежавшие набросились на Орджоникидзе, разняли их. Серго немедленно удалился. В тот же вечер он покончил с собой.

Или такая «картинка». Отец вернулся с похорон, на которые его делегировали от музея. Хоронили Орджоникидзе. Конечно, не Серго, так и не додушившего Сталина, а его брата Константина. 1969 год. Ну, рассказывает отец, собрались провожать в последний путь именитого покойного, как полагается, пришли представители от всяческих советских учреждений. Речи протокольные произносятся. Все как обычно. Но вот толпа расступается (дело происхо-

дит на кладбище) и под ручку ко гробу ведут старичка. Присутствующие не сразу узнали в старичке Анастаса Микояна, героя Гражданской войны, а затем многолетнего министра легкой промышленности и председателя советского парламента — Верховного Совета СССР. Микоян, к тому времени уже пенсионер, постоял, помолчал, потом произнес: «Константин Константинович Орджоникидзе 17 лет провел в сталинских лагерях. (Пауза.) Но Константин Константинович Орджоникидзе не затаил злобы против советской власти». Помолчав и больше ничего не добавив, Микоян с помощью провожатого удалился. Больше речей не было, многие еще не успели выступить, но устроители похорон решили траурную церемонию на этом совершенно неуместном в ту эпоху надгробном слове завершить.

После окончания школы я безуспешно пытался поступить на исторический факультет МГУ. Первый же экзамен — сочинение — я провалил. После окончания школы я год проработал на Киностудии имени М. Горького, перетаскивая коробки с пленкой между этажами. Работы было немного, и от безделья я

смотрел фильмы. На киностудии не только снимали кино, но и отсматривали зарубежные ленты. Именно там я посмотрел, что вырезано советской цензурой из фильма «Конформист». Я полностью видел прекрасный трехсерийный польский комедийный фильм, который в подлиннике назывался «Как я развязал Вторую мировую войну», увидел «Гражданина Кейна», «Полуночного ковбоя», «Инцидент» и другие фильмы, которые советскому зрителю того времени были вообще недоступны.

Эта работа вдохновила меня на поступление во ВГИК (институт кино) на экономический факультет, готовивший директоров картин. Экзамены были в июле. Сочинение, географию и даже математику я сдал более или менее успешно. Оставался последний — история, за которую я волновался меньше всего: для поступления было достаточно четверки. Билет был несложен. Первый вопрос — про крестьянское восстание в России XVII века, второй — что-то вроде «Разгром троцкистской оппозиции». Первый я бодро оттараторил, дополнительных вопросов не последовало. Второй я тоже изложил

вполне успешно, как мне казалось. Но тут зловредного вида старикашка (как потом выяснилось — идейный ортодокс и самозабвенный мучитель многих поколений вгиковских студентов) стал задавать дополнительные вопросы. Один запомнил: в каком именно году и месяце Троцкий объединился с лидером другой оппозиции — Зиновьевым. Год назвал правильно, с месяцем ошибся. Старикашка, победно потирая руки, сообщил, что тройку он, конечно, поставить мог бы. Но так как с тройкой я все равно не прохожу, то он мне ставит двойку...

В себя я пришел не сразу. А когда пришел, надо было срочно выбирать другой вуз. Подвернулся филологический факультет педагогического института, куда экзамены были в августе и куда я благополучно поступил, без труда сдав вступительный экзамен по истории на «5»...

Поступив, я оказался в среде студентов, интересовавшихся в первую очередь литературой, и в основном современной. Но больше всего мои новые друзья-однокурсники интересовались литературой запрещенной, самиздатом и тамиздатом. И мне

тоже все «запрещенное», то есть неподцензурное, стало в высшей степени интересно, и я старался не пропустить ничего из «ходившего по рукам» в то время...

Наконец наступил 1974 год.

Повторю, что именно к этому времени я счел себя вполне повзрослевшим, поумневшим и, главное, избавившимся от инфантилизма и иллюзий по отношению к окружавшей меня действительности, то есть стал законченным антисоветчиком. Но все же — почему так? Почему я не захотел становиться «простым советским человеком», получающим профессию и затем работающим по специальности и делающим карьеру?.. Виной всему, думаю, были происхождение из не совсем обычной семьи (бабушка немка) и мое еврейство, которое, как я уже твердо знал, сделать мне карьеру не позволит, и мои природные любознательность и общительность. Кроме друзей, приобретенных за годы учебы в институте, у меня было несколько не пересекающихся между собой кругов общения: бывшие одноклассники, дворовые дружеские связи, товарищи по

театральной студии, куда я ходил лет пять начиная со старших классов, несколько человек разных профессий и интересов, которые были старше меня лет на десять и чьи советы и мнения были для меня авторитетны... Наконец, семья, в которой не было места коммунистической идеологии. Мама была человеком аполитичным и очень остроумным (надеюсь, эта черта передалась и мне). Отец никогда не испытывал никаких иллюзий по отношению к советскому строю: как историк и специалист по советскому периоду, он знал ее «тайные» и неприглядные стороны. Был он к тому же очень общительным и хорошим рассказчиком. Бабушка со стороны отца, с которой я стал больше общаться только со средних классов школы, происходила из состоятельной семьи ассимилированных евреев из Таганрога. Ее второй муж, отчим моего отца, был репрессирован и расстрелян в 1938 году. Сама она несколько лет прожила в ссылке, но осталась светской, общительной и гостеприимной. Мои друзья, которых я приводил к ней в гости на вкусное угощение, удивлялись тому,

что она, не признавая домашней обуви, тапочек, ходит даже дома только в туфлях на высоком каблуке (а ей уже больше 70 лет!). На словах она была аполитична, но в порывах откровенности не могла скрыть своего негативного отношения к большевикам-коммунистам...

Все эти нюансы делали меня восприимчивым к получению и приятию «антисоветских знаний». Попадавшие мне в руки самиздатские и тамиздатские тексты много говорили о настоящей истории СССР — и в первую очередь истории репрессий. Эта информация не оставляла меня равнодушным. Все чаще и чаще я начал задумываться о том, почему и как тем, кто развязал в стране террор, сделал страну «империей зла», удалось в октябре 1917 года захватить и удержать власть. Как случилось, что страна, обретшая в февральско-мартовские дни 1917 года столь долгожданную свободу, так быстро этой свободы лишилась? Прозвучит, может быть, несколько наивно и самоуверенно, но я был убежден, что ответ на этот вопрос скрыт в недоступных советскому человеку исторических источниках и стоит только эти

источники обнаружить, как мне все станет понятно. Стоит только захотеть, и...

Все началось с одного исследования, но о нем немного позже.

3. Моя трудовая книжка

Москва, 1977 год. Борис Беленкин в свитере из индийской шерсти, купленном на свадьбу за 60 рублей при средней зарплате в 150 рублей в месяц

Жизнь любого советского человека во многом зависела от решений коммунистической партии и советского правительства. В 1956 году Хрущев отменил сталинский указ, запрещавший увольняться «по собственному желанию» или переходить на другую работу. Сталинское крепостное право было отменено. Именно тогда появились так называемые «летуны» — люди, которые слишком часто, по советским меркам, переходили с места на место. До указа за всю жизнь в трудовой книжке советского человека могло быть две, от силы три записи. Я же со своими тремя дюжинами был классическим «летуном». Но все начиналось вполне невинно.

Записи №№ 1–3, Киностудия им. Горького

По меркам вчерашнего школьника это была фантастическая работа. Часами делать было совершенно нечего. Зарплата нищенская, 70 рублей в месяц. Работа двухсменная: первая смена начиналась в 07:15, а в 16:00 я был уже свободен. Вторая начиналась в те же 16:00, и уходил я, как правило, не

позже десяти вечера. Во вторую смену работы было совсем мало.

Цех обработки пленки занимал два этажа в старом корпусе киностудии. Моя задача в основном состояла в транспортировке пленок между этажами и со склада в так называемых ЯУФах — металлических контейнерах, куда помещалось по пять катушек с пленкой. Иногда приходилось грузить ЯУФаами целый автобус-«пазик». С тех пор, когда я вижу тележку для кинопленки или высокую стопку книг, сразу чувствую, как пробуждается мышечная память: перетаскал я этих коробок немереное количество. Но все же бо́льшую часть времени на работе я проводил, сидя в креслах. Именно в нерабочее время проходила самая важная часть моей жизни в студии.

Потаскал коробки и сидишь. Я даже закурил от безделья, чего в школе не делал. За вычетом курения и чтения оставался только просмотр фильмов. Надо понимать, что в киностудии тогда не только делали кино, но и отсматривали зарубежные ленты,

прежде чем пустить или не пустить их на дубляж и затем в прокат.

Сырой рабочий материал смотреть было неинтересно. Было еще много северокорейского дубляжа, который смотреть было просто невозможно. Таких фильмов закупалось много, но я не помню, чтобы что-то северокорейское вообще выходило в прокат. Но, как я уже рассказывал, мне удалось посмотреть массу всего, что в итоге цензура не допустила в советский прокат.

На цеховых попойках в директорском зале (глубокие мягкие кресла с деревянными подлокотниками, чуть изогнутые стены, все в коврах, можно курить, включив вентилятор) мы ставили несколько пленок. Например, первый диснеевский мультфильм, «Пляска смерти» под музыку Сен-Санса, мне до сих пор снится по ночам. Почему-то студийным рабочим тогда очень нравился один безымянный ролик — пошлая песенка на немецком языке в стиле Киркорова. Ну и, конечно, несколько цензурных обрезков сексуальных сцен из разных фильмов.

Если на просмотры почему-то не пускали в зал, можно было посмотреть фильм из будки киномеханика. Именно поэтому возможность проводить людей в студию сразу сильно поднимала мой статус среди сверстников. Это вам не завод Лихачева. Одним только «я работаю на киностудии» ты уже практически становился актером Тихоновым.

Как происходила «проводка» на студию? Сначала я брал у работников цеха несколько пропусков, с ними выходил в рабочем халате на улицу, для вида с пустой тележкой. А там передавал пропуска ожидающим снаружи знакомым. Если пропусков было меньше, чем желающих, проводили «каруселью». Иными словами, система была налаженной — студия все время была наводнена визитерами, особенно в дни просмотров в большом зале чего-нибудь стоящего.

Серьезная часть этой светской жизни проходила в столовой студии. Кофе там лился рекой. У меня сохранилась записная книжка с отметками: «Наташе должен 30 коп., Виктору — 20 коп., Оле — 40 коп.» и так далее, потому что одалживал все

время. В этой столовой я выучил множество киношных анекдотов, которые еще много лет пересказывал во время дружеских застолий. Теперь все начисто забыл, кроме одного. Тогда на экраны уже вышла «Калина красная», а по телевизору показали первый раз «Семнадцать мгновений весны». И вот анекдот.

Шоссе. Указатель на немецком: «Берлин 70 км». Останавливается черный «мерседес». Выходит Штирлиц. Вдыхает свежий весенний воздух. Идет в лесок. У ближайшего дерева расстегивает ширинку и пишет. Закадровый голос Копеляна: «Штирлиц не знал, что спустя 20 лет эту самую березку будет целовать Василий Шукшин».

Второе поступление

Весь тот год я параллельно ходил к репетитору по русскому языку, потому что на выходе из школы в сочинении делал 50–60 ошибок, шансы поступить были нулевые! И вот я, человек, собиравшийся на истфак, год спустя пошел на экономический факультет ВГИКа. В математике я был полное «зеро», так

что ходил заниматься к своему другу Сергею Травкину. Он был гениальным математиком, но большего тупицу, чем я, ни он, ни его жена Аня (тоже математик) не видели в жизни.

Когда я получил «тройку» за билет по теореме Пифагора, я понял, что поступил. Больше по математике я получить не мог генетически. Географию сдал, кажется, на «пять». К сочинению я был готов: меня научили писать «крупное домашнее рогатое животное», если не знаешь, как пишется — «карова» или «корова», и никогда не брать свободную тему, лучше «Ионыча» Чехова или что-нибудь безобидное по Лермонтову. Благодаря этой выучке за сочинение я получил «четыре».

И только тогда, сдавая свои вторые вступительные экзамены, я понял, что все, что было в школе, все эти 10 лет вычеркнуты из жизни. По большому счету я не получил от школы ничего. Хорошо, что в первых классах меня научили читать и писать. Но с пятого и дальше все оказалось ненужным, все, что заставляли выучивать, — все это не пригодилось

никогда. Я не знал языков из-за этого. Школа не дала мне навыков, только антинавыки.

Я уверен, для половины человечества школа — это травма на всю жизнь. С тех пор стал убежденным сторонником остроумной теории «обесшколивания общества» Ивана Иллича. Все то, что я должен был сдавать на вступительных, было усвоено мной за год после школы.

Итак, за сочинение во ВГИКе я получил четверку. А вот за историю, которую, как я считал, знал на «пять», получил «два»... Но об этом я уже рассказал.

Запись № 10

Зачислен в институт студентом первого курса факультета русского языка и литературы дневного отделения. Туда я рвался, чтобы в армию не попасть. То, что я «филолог», и то, что это «пединститут», мне было при поступлении не очень важно.

Работа без книжки

Разумеется, трудовая жизнь советского человека могла протекать и вне трудовой книжки. Я

учился на дневном, стипендию получал только первые полгода, до первого экзамена. А потом оказался без денег, от чего за время работы успел отвыкнуть.

До поступления в институт с сентября месяца параллельно с киностудией я работал еще в одном месте — очередная жена моего отца, Алла Дмитриевна Полумордвинова, устроила меня в редакцию «Нового времени».

Это была одна из моих самых любимых работ, я был читчиком в немецкой редакции журнала (он выходил на нескольких языках). Передо мной лежал текст на русском языке, а у редактора, Жореса Марковича Гречаника, на немецком. Я читал свой текст вслух, а он сверял перевод. На работу я приходил раз в неделю и получал 40 рублей в месяц. Однажды, правда, я прочитал вслух весь отчетный доклад Брежнева на XXIV съезде КПСС за целых 25 рублей.

Следующая моя работа, уже студентом, — брошюровочный цех фабрики «Детская книга». Там

брали без трудовой книжки, на временную работу, рублей на 120 в месяц. Отличные деньги.

Начало работы — ровно в 07:15. Книги я, разумеется, воровал. У меня был пиджак с нашитым карманом на спине и солидный кожаный портфель с малозаметным внешним отделением на молнии. Уходя, на вахте полагалось открывать портфель, и у меня там видны были только треники, тапочки и газета.

Так мне в руки попадало то, что в магазины поступить и не могло: подарочное издание «Сирано де Бержерака» Эдмона Ростана или «Приключения барона Мюнхгаузена» Рудольфа Распе. Я их дарил девочкам на курсе.

Я научился спать днем, стоя у конвейера, отчего случалось заправлять барона Мюнхгаузена корешком наружу. На фабрике я работал весной одновременно с учебой на первом курсе, а летом совмещал фабрику с работой на киностудии Горького.

При этом трудовая книжка, которая каким-то чудом была мне временно выдана в институте на лето

[записи № 4–7], продолжала еще полтора года лежать в студии Горького. Там меня часто подменял знакомый слесарь, с которым я делился зарплатой. Он был счастлив, так как с этого нелегального приработка не платил алименты! Умолял меня не увольняться.

Геологическая экспедиция

Летом 1973-го я уехал на три месяца на Дальний Восток, где работал в геологической экспедиции.

Произошло все очень просто: сдавал экзамены после второго курса, пил пиво, было душно, было жарко, планов на лето нет. Накачанных студентов брали в стройотряды, а таких, как я — худеньких евреев, — нет. У меня были знакомые на геофаке МГУ. «Поедем, — говорят, — в экспедицию. Там рабочие нужны». Оформили меня, взяли на работу. Билет Москва — Охотск, как сейчас помню, стоил 144 рубля — две зарплаты. Тогда я впервые в жизни сел в самолет.

Жил в тайге, в палатке, ходил в маршруты, была обычная геологическая жизнь. Через два месяца

наша замечательная повариха уехала, и меня, как самого ненужного в отряде, назначили на ее место. Когда все шесть здоровенных мужиков уходили в маршруты, я брал винтовку и шел на охоту, потому что есть тушенку было нельзя. Ее выдавали заранее, но съеденное потом вычитали из гонорара, поэтому задача была не съесть ни одной банки и всю тушенку сдать обратно нетронутой. Мы ели оленину, охотясь на каких-то колхозных оленей, которые отбивались от стад и, полудикие, забредали к нам. Мяса было порядочно — мы еще подкидывали другим отрядам. Надо мной все смеялись: «Филолог, так вот пускай ручки попачкает» (имелось в виду — в крови во время свежевания туши). Стрелял перепелок, они сами подлетали к палаткам. Чаще всего готовил котлеты из оленины.

С оленями приходилось быть осторожными, потому что за кражу колхозного имущества давали 3 года.

Якуты и эвенки, которые в колхозах работали оленеводами, приходили к нам с обыском. Там на

300 километров вокруг ни одного населенного пункта, так что их подозрения можно было понять. Но нас не поймали.

На учебу я опоздал на три недели, вернулся с запиской из Мингеологии: «В связи с плохими погодными условиями (взлетная полоса была засыпана снегом) Борис Беленкин не мог вылететь из ... с 1 по 18 сентября с. г.». Пришел с такой бумажкой в деканат, когда у меня было уже 140 с чем-то часов прогулов.

Через несколько месяцев меня все-таки стали выгонять, но уже «по политике», и здесь меня спас «рабочий фактор». Я признался ректору, что в свое время выпросил трудовую книжку «на два дня» и не вернул ее в институт. Далее произнес нечто вроде «учась на филфаке, я еще и подсобный рабочий... Содержу больную сестру (*полная ложь*), старую бабушку и одинокую мать (*вообще-то работающую в МГИМО*)». Выглядел я щупленьким, но убедительным. Отчисление было отложено на год.

Записи № 8–9, музей Пушкина

Здесь у меня произошла уже некая интеллектуальная инициация.

Музей был очень интересным местом. Например, в музейных рабочих числился нынешний профессор ВШЭ Александр Осповат.

В основном контингент состоял из свободомыслящих «бывших» со звучными дворянскими фамилиями и интеллигентных евреев. Тем не менее, как музейный рабочий, подчинен я был омерзительному старому коммунисту и стукачу.

Запись № 11

Отчислен с третьего курса. Академическая задолженность: не сдан экзамен по русскому языку за третий курс. Быстро понимаю, что впереди у меня — армия и ничего больше.

записи №№ 12–13, транспортный рабочий второго разряда

Тут все было точно рассчитано. Нужно было избежать разрыва в стаже, поэтому после отчисления гуляю 29 дней — главное, чтобы не больше месяца.

После чего устроился в Строительное управление через брата отчима отца. Я разъезжал в машине, сидя рядом с шофером; на разных комбинатах, заводах, складах мы заполняли машину гравием, паркетом, цементом, досками и развозили по строительным объектам. Совершенно тупая работа. Никакого тебе неподцензурного кино, ворованных книг и интересных собеседников.

Призыв. Белый билет

Впереди маячил призыв. Но у меня уже была девушка. У меня были интересы: филология, история. Были друзья, были самиздат и тамиздат.

Будучи к тому времени уже законченным антисоветчиком, я не мог представить себе, что вот-вот придется идти в армию. Уже были 10 лет школы, а тут еще предстояло выкинуть из жизни 2 года. Я в то время получал из армии гору писем от моих школьных и дворовых друзей, которые тогда как раз служили. Я читал их и понимал — в армию никак нельзя!

В апреле 1975-го я лег по направлению военкомата в больницу, пытался жрать сырую печень. Но оказалось, что кровяные тельца в моче и кале не спасают. Перед прохождением рентгена к рентгенологу наведалься мой однокурсник и друг Яша А., человек в высшей степени деловой, в результате чего у меня нашли язву двенадцатиперстной кишки. После диагноза пришлось каждый день в течение месяца терпеть уколы и переливание крови. Зато цена — белый билет.

х х х

Моя следующая работа — «пункт захоронения ядохимикатов». Это пункт захоронения очень многого в моей жизни. Я знал уже, что впереди у меня не будет армии, а будет прекрасная незамутненная жизнь, которую я как бы начинал с белого листа.

Записи №№ 14–15, пункт захоронения ядохимикатов

Я был признан негодным к армейской службе. Однако я успел заранее договориться с географом и

диссидентом Владимиром Сквирским, что он меня «спрячет» на время призыва в какой-нибудь экспедиции, если я вдруг окажусь годен. Эта договоренность осталась в силе и после освобождения от армии. Деваться мне было некуда, денег не хватало, и я отправился в Краснодарский край.

Прибыв на место, я оказался в двух километрах от станицы Варениковской, недалеко от Анапы. В поле стояли несколько вагончиков и пара КШК-1 (копатель шахтовых колодцев). Называлось все это — «Объект № 1». Не знаю, можно ли назвать результаты нашей деятельности там экологической катастрофой. Но обо всем по порядку.

В Краснодарском крае в какой-то момент скопилось колоссальное количество ядохимикатов и удобрений с истекшим сроком годности. Для ликвидации вызвали геологов, копателей шахт и взрывников, чтобы пробурить шахту метров тридцать глубиной и взорвать заряд на дне так, чтобы получилось нечто вроде огромной подземной колбы. Далее эти колбы (планировалось сделать несколько)

следовало заполнить ядохимикатами и сверху засыпать.

В одном месте выкопали, взорвали — где-то за километр оттуда в свинарнике треснули стены. Но свинарник никого не волновал: важно, что никакой «колбы» не вышло — все обвалилось. Почвы не позволяли вести взрывные работы. Ситуация была авральная: сотни тонн протухших удобрений скопились на железнодорожных станциях края, и нужно было куда-то их девать.

Придумали истыкать территорию могильника 30-метровыми колодцами, заполнить их негодными удобрениями на две трети, а остаток засыпать землей. Колодцев, конечно, пришлось выкопать гораздо больше, чем планировалось «колб».

Власти не усложняли дело излишним формализмом: платили по коэффициенту 1 к 5. Если в Москве, например, или в Воронеже за 1 метр проходки рабочему платили 1 рубль, то на «Объекте № 1» платили 5 рублей. Работали мы с лопатами вокруг этого колодца, примерно как в анекдоте о милиционерах,

вкручивающих лампочку: один держит лампочку, а еще двадцать крутят дом.

Мне с напарником досталась самая тяжелая работа — отбрасывать грунт, который «доставлял» на поверхность бур КШК. Зато заработок мог доходить до 10 рублей на двоих в час. Это раз в десять больше стандартной суммы.

Работа не относилась к «вредной» — сами ядохимикаты я видел только один раз, в самом конце. Мы должны были в сжатые сроки вырыть 30–40 колодцев, проблема была только в КШК-1, который ломался каждые пять минут. В остальном — это была встреча с народом.

За рабочие места шла драка. Для сравнения: месячная пенсия моей бабушки — 30 рублей. И хотя я приехал как бы по блату, места для меня изначально не было. Первые дней десять я слонялся без дела, но затем атмосфера стала накаляться.

Местная кубанская публика прознала, что «понаехавшим» почему-то платят раз в десять больше. А когда оттуда уволили единственного местного, чтоб

взять москвича, местные из Крымска собрались резать московскую публику. Меня не трогали, потому что мне работы и денег не досталось, как и им. В какой-то момент часть москвичей просто смылась, и со второй половины июля я заступил со своей штыковой лопатой к дышащему на ладан КШК-1.

Пункт захоронения ядохимикатов стал кульминацией моей трудовой биографии.

Оставшиеся москвичи там были преимущественно из НИИ нефти и газа. Сугубо антисемитская публика. Мы все обедали вместе, и разговоры за столом были на две темы: о бабах из станицы и о евреях. Кто-то из их института эмигрировал в Израиль, и теперь у них якобы никто не может защититься. А виноват, конечно, «Кацман».

Тогда я своим ушам не верил — как так может быть, что эти люди, все-таки москвичи, с каким-то образованием, могут всерьез такую чушь нести. Единственный раз в жизни тогда мне пришлось занять позицию оголтелого сиониста и русофоба. Я все время нес что-то вопиюще провокационное,

просто не зная, как правильно реагировать на откровенное юдофобство.

Но морду мне ни разу не били. Рассуждения были из разряда: «Я с одним хорошим евреем работал...» или «Ты-то, Борька, ничего, молодец, но вот твои евреи...»

Когда их пришли бить, я особо не переживал.

Перед возвращением в Москву я купил 30-литровый дубовый бочонок домашнего вина, трехлитровую банку винного спирта и ящик груш из садов колхоза-миллионера «Кубань».

В Москве, допив с друзьями вино и спирт, стал думать, что делать дальше. Надо было восстанавливаться в институте, чтобы все же получить высшее образование, но для этого нужно было пойти работать по профилю, то есть в школу. Для чего я, после кратковременного возвращения на киностудию Горького [записи №№ 16–17], все же решился на резкую перемену участи.

Записи №№ 18–21, старший пионервожатый в школах № 872 и № 81

Я устроился на должность пионервожатого. Как это удалось человеку, убежденному, что «хороший коммунист — это мертвый коммунист»? Видимо, помогли природная живость ума, остроумие и беспринципность. Поэтому я поступил на самую смешную и неуместную работу в своей жизни.

Пришел я устраиваться на место лаборанта по физике опять по знакомству, но что-то не сработало и на мое место взяли другого человека. Взамен мне предложили место пионервожатого, объяснив, что для восстановления в институте пионервожатство даже лучше.

Имитация деятельности была поставлена на поток. Иногда приходилось проводить прием в пионеры и какие-то линейки солидарности с братским народом Никарагуа, но это мелочи.

Вся эта затея была исключительно для того, чтобы восстановиться в вузе.

Чтобы вернуться в пединститут, нужны были основания. В частности, нужно было не меньше года проработать по профилю. Проработал я год, получил соответствующую характеристику, и меня восстановили в МГЗПИ — Московском государственном заочном педагогическом институте. Правда, из школы после восстановления меня все время норовили уволить за полную профнепригодность.

От увольнения с работы меня спасло рождение сына. Январь, последние дни каникул. 1977 год. Меня вызывают. Я знаю точно, что будет: «Борис Исаевич, вы больше года работаете, очень интересно было познакомиться. Но вы больше нас не устраиваете». А жену мою как раз накануне я отвез в роддом. Без пяти двенадцать ночи мы с ней говорили по телефону, никаких схваток не было. В 10 утра у меня была назначена встреча в школе. Утром беру такси, еду в школу в Коломенское.

И начинается: «Борис Исаевич... ваша работа... мы вынуждены...» И вдруг звонит телефон. «Алло,

— говорит директор. — Да, да, да, здесь, да, работает». Затем пауза, она слушает, потом говорит: «Да, конечно, передам». Вешает трубку, несколько секунд молчит. «Ну что, Борис Исаевич, мы вас поздравляем, у вас родился сын. Идите». Сказать: «У вас родился сын — мы вас увольняем», — они не могли. Я спокойно доработал до лета.

«Эту свою работу я довел в плане халтуры до абсолюта»

Дальше я пошел пионервожатым в школу № 81, где мне сразу же дали еще и преподавательские полставки: 9, 7 и 6 классы. Девятый у меня быстро отняли, сказали, что я не справляюсь, зато 6 класс был замечательный. Довольно скоро я обнаружил, что две девочки на уроках «незаметно» читали «Красный террор» Мельгунова, Волошина и Цветаеву (6 класс!). Я вызвал родителей, мы тут же нашли общий язык и вступили в книгообменные отношения. Класс был огромным — 46 человек, но я получал от уроков удовольствие.

Через несколько месяцев после начала работы чуть ли не на каждый урок ко мне стали ходить директриса или завуч, чтобы потом устроить экзекуцию. Не спасали даже образцовые планы, которые я брал у своих бывших однокурсниц-отличниц с дневного отделения.

Уроки признавались плохими. По окончании учебного года с учительства меня попросили, решив оставить пионервожатым. Эту свою работу я довел в плане халтуры до абсолюта. Я собрал всех своих любимчиков из 6 и 7 классов, сказал: «Ты будешь председателем совета дружины, а ты будешь отвечать за работу с октябрятами».

Жили мы замечательно, только изредка занимались сбором макулатуры и проводили митинги солидарности с народом Никарагуа. Мне только все время казалось, что меня не просто выгонят, а обзвонят все места и везде расскажут, что «это какой-то не тот человек».

Но, видимо, директриса и завуч сами были такими формалистами, что увидели во мне абсолютного профессионала. Они даже готовы были взять меня завучем по внеклассной работе.

«Вся вина лежала на старом большевике»

От первой школы у меня остались жуткие воспоминания о приеме в пионеры. Как-то я повез детей на Красную площадь — там они у мавзолея должны были прочитать пионерскую клятву: «Перед лицом своих товарищей торжественно клянусь...» и так далее. А я эту клятву, конечно, не знал наизусть. Я вытолкнул вперед особо одаренную девочку: давай, мол, проговори клятву, они за тобой повторят. Но тут меня прижали учителя: «Нет, Борис Исаевич. Нам тут в магазин надо, колбасу дают. А с детьми еще в Музей Ленина тащиться потом. Надо, чтоб все побыстрее было. Давайте вы». И, к моему позору, они поняли, что я не знаю этого текста. Может быть, потом они директору школы и стукнули на меня.

После ухода из школы начались проблемы. Я повсюду ходил со своей трудовой книжкой, искал учительское место, но мне предлагали быть либо пионервожатым, либо завучем по внеклассной работе. А учителем — «спасибо, не надо, нет ставок!..»

Записи №№ 22–27, редактор отдела научного описания информационных материалов (служебный каталог) в ИНИОНе

После некоторых мытарств я, как водится, по знакомству был зачислен временно, на два месяца, в ИНИОН, в отдел каталогизации. Начался странный период моей трудовой биографии. Коллектив был хороший, антисоветский, самиздатский. Все бы хорошо, но я должен был работать только два месяца, затем — 10 дней перерыва. А потом опять следующие два месяца. Таково было советское трудовое законодательство. Иначе они вынуждены были бы взять меня на ставку, которой формально не было. А когда она освобождалась, должность моментально сокращалась директором.

Было известно, что Владимир Алексеевич Виноградов, тогда еще член-корреспондент Академии наук, был также генерал-майором КГБ в отставке. Эдакий крутой бровастый гебист, которого посадили наводить кадровый порядок в гнилое заведение. ИНИОН того времени — это сплошь диссиденты, отъезды в Израиль и другая дурная слава. Его кадровая политика была проста: ни один еврей на постоянную работу в ИНИОН принят не будет.

В какой-то момент меня не восстановили, и два месяца я проработал в кабинете языкознания по договору, как бы нелегально. Это было разоблачено, и меня уже больше в ИНИОН не брали, ни временно, ни на договор.

Записи №№ 28–31, лаборант в Институте социологических исследований

Снова по блату меня посадили на временную работу в отдел общественного мнения Института социологии АН СССР — как раз на опрос «Москвичи об

Олимпиаде-80». Это мне было очень смешно как автору стихотворения «В Москве не будет Олимпийских игр...». По всей видимости, кто-то из начальства ИНИОН меня засек в ИСИ, и проработал я всего два срока. Отделы кадров двух учреждений, наверное, были как-то между собой связаны.

Записи №№ 32–33, методист по работе с детьми и молодежью в кинотеатре «Юность»

1979 год. Мне 26 лет, сыну уже 3 года. Работу я не мог найти два месяца. Здесь уже не только пятый пункт — к этому моменту я уже «летун», ведь в трудовой книжке 31 запись! Наконец один мой знакомый направил меня в дирекцию кинотеатров Ворошиловского района города Москвы.

Кинотеатры одного района объединены в одну дирекцию. Так я попал в кинотеатр «Юность» на должность методиста, на которой проработал почти 8 лет. Уволился уже в перестройку, в октябре 1987-го.

В кинотеатре моей задачей было выполнить «план по детям». Я отвечал за детский репертуар и

предсеансовую работу в десяти кино клубах. Пытался подбирать какие-то приличные фильмы, насколько возможно. Ходил по школам, распространял абонементы. Каждый сентябрь я продавал по десять тысяч билетов — на год вперед.

СВЕДЕНИЯ				О РАБОТЕ	* АТ-1 № 3906629	
№ записи	Дата			Сведения о приеме на работу, и об увольнении (с указанием на статью, пункт закона)	о переводах на другую работу причин и со ссылкой пункт закона)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
	число	месяц	год			
1	2			3		4
35	29	12	1989	Свободен от зам. по собственному желанию /вст. 31 КЗоТ РСФСР/	Свободен от зам. по собственному желанию /вст. 31 КЗоТ РСФСР/	Приказ № 33-к от 29.12.89.
				Свободен от зам. по собственному желанию /вст. 31 КЗоТ РСФСР/	Свободен от зам. по собственному желанию /вст. 31 КЗоТ РСФСР/	
36	03	07	1990	Записан на должность библиотекаря в НИПЦ «Мемориал»	Записан на должность библиотекаря в НИПЦ «Мемориал»	Приказ № 12 от 3.07.90.
37	30	09	1993	Переведен на должность заведующего библиотекой.	Переведен на должность заведующего библиотекой.	Приказ № 29-к от 30.09.1993.

Страница трудовой книжки Бориса Беленкина

Работа в кинотеатре «Юность», конечно, не требовала моего постоянного присутствия. Надо было

только явиться к началу рабочего дня и уйти в положенное время. Где я только не проводил время в промежутке... По-настоящему работал я в сентябре, когда «делал» зрителя на весь год.

Через год-полтора меня, как, наверное, социально (или классово) чуждого опять стали гнать, но я вылетать не хотел. Чтобы усложнить начальству свое увольнение, я поступил во ВГИК. Учился на киноведческом факультете, работа была по профилю учебы, в управлении кинофикации по городу Москва и в городском кинопрокате отношения с коллегами были вполне дружеские.

С годами выгнать меня стало технически невозможно, я грамотно выполнял свою работу, вовремя сдавал отчеты. Иногда устраивал хорошие показы.

Например, как я показывал фильм Квирикадзе «Пловец». Кастрированную цензурой копию взял для клубного показа в кинопрокате, привез в кинотеатр и спрятал. Потом Квирикадзе то ли сам принес, то ли передал полную версию фильма. Я подло-

жил в ЯУФ с полной версией разрешительное удостоверение и спокойно отнес ее киномеханикам. В результате фильм можно было увидеть в полной версии.

Женя Марголит, работавший тогда в кинопрокате, стал мне подсказывать умные фильмы. «Один из нас», например, существовал всего в четырех копиях. Мы его показывали в рамках киноклуба с дебильным названием «Профессия — Родину защищать». Основной зритель — учащиеся ПТУ. Было уморительно наблюдать за их реакцией. «Познавая белый свет» Киры Муратовой — фильм о якобы строительстве БАМа и якобы о тружениках, а на самом деле исключительно о любви и сложностях человеческих отношений. Это тоже в рамках киноклуба, но уже другого — «Я выбираю профессию». Никто в этот клуб не ходил, я смотрел Муратову в гордом одиночестве, зато без идиотских смешков, семечек и мата.

Ни киноманом, ни киноведом я так и не стал. Хотя ВГИК окончил.

**Записи №№ 34—35, лаборатория киноинформации
отдела технико-экономических исследований и
распространения передового опыта всесоюзного
научно-методического центра по организации
труда и управлению производством министерства
труда СССР**

Типично горбачевская, перестроечная работа — «распространение передового опыта», во всех его видах и подвидах. Зато конкретная: я писал довольно бездарные киносценарии про образцовые производства, про передовой опыт на ковровых фабриках Бреста и Волоколамска, про автоматизацию производства, использование труда слепых и прочее... Наша киногруппа разъезжала по всей стране и все это снимала. «Все это» было либо кальками с западных образцов, либо чем-то домотканым и совершенно непрезентабельным, либо просто липой. Сюжеты рушились на глазах, вместе с умиранием СССР.

В ноябре 1988-го я пришел в «Мемориал» без всякой мысли связать с ним свою профессиональную судьбу, но создание Научно-информационного центра «Мемориал» изменило все мои трудовые планы.

Запись № 36, предпоследняя, библиотека общества «Мемориал»

Лето, июнь 1990-го (почти 34 года тому назад!). Зачислен на должность библиотекаря. Здесь можно много всего рассказать, но эту работу я не комментирую, а перейду к последней, самой важной записи.

Запись № 37 (последняя), 30 сентября 1993 года, переведен на должность заведующего библиотекой

Пик карьеры. Вершина. Через два дня будет штурм московской мэрии и телецентра Останкино, через три дня — штурм Белого дома, через четыре дня в Москве введен комендантский час, через пять дней мне исполнится 40 лет. Но об этом, как и о многом другом, трудовая книжка умалчивает.